

Сравнительный анализ головных уборов «бобуонньук» из погребальных памятников якутов XVIII – начала XIX в.

С. И. Петрова¹, А. Н. Прокопьева², Е. Н. Соловьёва^{3, 4}, Т. Г. Старостина^{5*}

¹ Северо-Восточный федеральный университет им. М. К. Аммосова, г. Якутск, Россия

² Институт гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов Севера СО РАН, г. Якутск, Россия

³ Арктический научно-исследовательский центр Республики Саха (Якутия), г. Якутск, Россия

⁴ Институт археологии и этнографии СО РАН, г. Новосибирск, Россия

⁵ Якутский государственный объединенный музей истории и культуры народов Севера им. Ем. Ярославского, г. Якутск, Россия

Аннотация. Исследуются капоровидные головные уборы XVIII – начала XIX в. из погребальных памятников Центральной Якутии с помощью методов визуального осмотра, обмеров и сравнительного анализа кроя, материалов и технологий шитья. Отмечается, что результаты показали единство кроя, но выявили технологические особенности, связанные с индивидуальным почерком мастериц. Установлено, что сложная конструкция, дорогие материалы (шелк, сукно, ценные меха) и металлические диски указывают на принадлежность головных уборов якутской знати. Подчеркивается, что совокупность материалов свидетельствует о существовании единой моды у разных якутских родов. Сделан вывод, что сравнение конструктивных особенностей капоровидных головных уборов XVIII – начала XIX в. с напершиями шапок «дыабака» XIX–XX вв. позволило обосновать их преемственность.

Ключевые слова: Центральная Якутия, якутские погребения, якутский костюм, капор, дыабака.

Для цитирования: Сравнительный анализ головных уборов «бобуонньук» из погребальных памятников якутов XVIII – начала XIX в. / С. И. Петрова, А. Н. Прокопьева, Е. Н. Соловьёва, Т. Г. Старостина // Известия Иркутского государственного университета. Серия Геоархеология. Этнология. Антропология. 2026. Т. 56. С. 36–52. <https://doi.org/10.26516/2227-2380.2026.56.36>

Comparative Analysis of “Bobuonnyuk” Headdresses from Yakut Burial Sites of the 18th – Early 19th Centuries

S. I. Petrova¹, A. N. Prokopieva², E. N. Solovieva^{3, 4}, T. G. Starostina^{5*}

¹ North-Eastern Federal University named after M. K. Ammosov, Yakutsk, Russian Federation

² Institute of Humanitarian Research and Problems of Indigenous Peoples of the North SB RAS, Yakutsk, Russian Federation

³ Arctic Research Center of the Republic of Sakha (Yakutia), Yakutsk, Russian Federation

⁴ Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS, Novosibirsk, Russian Federation

⁵ Em. Yaroslavsky Yakut State United Museum of History and Culture of the Peoples of the North, Yakutsk, Russian Federation

Abstract. This article presents a technical description and comparative analysis of six bonnet-shaped headdresses of the “Bobuonnyuk” type from 18th – to early 19th-century Yakut burial sites in Central Yakutia (Megino-Kangalas, Churapcha, Tatta, and Ust-Aldan uluses, and the outskirts of Yakutsk). The novelty of this study lies in the limited scholarly coverage of historical Yakut headdresses and in the unique decorative features of these headdresses, which include figured cutouts on the frontal and occipital parts. The study aims to introduce these artifacts into academic discourse, analyze their construction, materials, and sewing techniques, and assess their cultural significance. The research methods included visual inspection, measurements, and comparative analysis of cut patterns, materials, and sewing techniques. The results revealed a uniform cut across all six items, indicating a standardized pattern, while also highlighting technological variations that reflect the individual craftsmanship of different makers. The complex construction comprises more than ten pattern pieces, including a fronto-occipital panel with decorative inserts (rectangular or trapezoidal on the forehead, double-arched on the back), six sickle-shaped lateral pieces forming the ear flaps, and fur trims. The headdresses were made from costly materials such as silk jacquard, silk moiré, broadcloth, *daba* cotton fabric, and precious furs (sable, beaver, wolverine, fox, ermine, and squirrel). Some specimens feature metal discs (*tuosakhtha*) and stamped plaques. The presence of these materials, along with rich grave goods, indicates that these headdresses belonged to the Yakut nobility. The widespread distribution of nearly identical headdresses across a vast territory suggests the existence of common fashion trends and close interclan contacts among the Yakut people in the 18th – early 19th centuries. A comparative analysis with the crowns of 19th – 20th-century Dzhabaka hats demonstrates cultural and technological continuity, as the “Bobuonnyuk” bonnets evolved into the decorative crests of the later headdress type. The findings contribute to the reconstruction of historical costume and to the adaptation of traditional Yakut elements for modern ethnic clothing.

Keywords: Central Yakutia, Yakut burials, Yakut costume, bonnet, Dzhabaka.

For citation: Petrova S. I., Prokopieva A. N., Solovieva E. N., Starostina T. G. Comparative Analysis of “Bobuonnyuk” Headdresses from Yakut Burial Sites of the 18th – Early 19th Centuries. *Bulletin of the Irkutsk State University. Geoarchaeology, Ethnology, and Anthropology Series*. 2026, Vol. 56, pp. 36–52. <https://doi.org/10.26516/2227-2380.2026.56.36> (In Russ.)

* Полные сведения об авторах см. на последней странице статьи.
See the last page of the article for full authors information.

Введение

Для суровых природно-климатических условий Севера одежда является одним из главных компонентов системы жизнеобеспечения человека и способствует повышению его адаптационных возможностей. Наиболее ранние образцы традиционной одежды якутов обнаружены в погребальных памятниках XV в., но их фрагментарность не дает возможности реконструировать цельный вид костюма. Более полные сведения происходят из якутских могил XVII–XVIII вв. и, благодаря своей сохранности, позволяют строить гипотезы о более ранних видах одежды. Имеющийся материал дает основание говорить о наличии степных южных, а также северных типов одежды, что свидетельствует о многокомпонентности этноса и его сложной этнической истории. Многосоставность и многослойность являются характерными чертами якутского костюма и свидетельствуют о сложившихся адаптационных стратегиях. Изучение кроя, материалов и технологий изготовления одежды, а также семантики и ритуального содержания является важным компонентом комплексного исследования истории и культуры этноса, в связи с чем в последние годы этим вопросам уделяется большое внимание [Данилова, 2020; Петрова, 2022; Петрова, Прокопьева, 2023].

Национальный костюм является одним из основных признаков самоидентификации и наглядно демонстрирует региональные и исторические особенности. В последние десятилетия якутское общество переживает период роста потребности в научно достоверных реконструкциях образцов костюма разных периодов не только для самопознания, но и для практического применения. Если раньше основным поводом для ношения этнического костюма был праздник *ысыах*, то сегодня национальная одежда прочно вошла в обиход как вариант праздничного и выходного наряда. Долгое время интерес общества держался вокруг образцов традиционной одежды якутов XIX–XX вв., но в настоящее время все более актуальными становятся древние виды якутского народного костюма XVII–XVIII вв.

Активизация изучения погребальных памятников XVII–XVIII вв. вносит свои коррективы в ранее полученную информацию о ранней якутской одежде и постепенно расширяет источниковую базу. Накопленный за последние годы материал требует своего теоретического осмысления и введения в научный оборот. Прикладная потребность в научно обоснованных подробных описаниях и характеристиках старинной якутской одежды вызвана формированием целого направления исторической реконструкции костюма в среде мастеров декоративно-прикладного искусства Якутии.

Введение в научный оборот данных о головном уборе «бобуонньук» обусловлено необходимостью его изучения с конструктивно-художественной точки зрения для анализа кроя, материалов и технологий изготовления. Изучение головных уборов якутов может помочь лучше понять их культуру и адаптировать эти головные уборы при конструировании современной национальной одежды. Это позволит сохранить традиции якутов и сделать их более популярными в повседневной жизни.

История изучения

Рассматриваемый в статье вид головного убора относится к достаточно устойчивому типу капора, известного всем народам Сибири [Историко-этнографический ..., 1961, с. 336]. Якутским капоровидным типам головных

уборов с конструктивно-художественной точки зрения все еще уделено мало внимания. И. В. Константинов, основываясь на своих археологических материалах, отмечал, что покроем капоров с небольшими вариантами был достаточно распространенным у якутов [1971, с. 53]. Р. С. Гаврильева к капорам относит конусовидные и чепчиковидные шапки из различных материалов [1998, с. 20]. Более подробные сведения о капоровидных шапках приводятся в работах М. М. Носова и представлены как «чепец – капор», «колпак», шапочки – колпачки «чомпой бобуонньук», «бобуонньук» [1955, с. 103–104; 1957, с. 125; 2010, с. 6–9]. В качестве наименования шапок-капоров в словаре Э. К. Пекарского зафиксирован термин «халпаак» – колпак [Пекарский, 1959, стлб. 3268]. Шапку «чомпой» он характеризует как высокий головной убор с удлиненной макушкой [Там же, стлб. 3639]. Термин «бобуонньук» там же обозначен как «повойник» – головной убор для повседневной носки, который якуты, как отмечает автор, носят дома вместо платка [Пекарский, 1958, стлб. 482]. В рамках анализа терминологии обратимся к словарю-справочнику Е. И. Зотовой, который систематизирует и интерпретирует соответствующую лексику, опираясь на терминологическую базу труда В. И. Даля. Согласно данному источнику, «повойник» квалифицируется как повязка – головной убор будничного назначения [Зотова, 2017, с. 119]. В итоге можно сказать, что словосочетание «чомпой бобуонньук» в данном контексте не может быть корректно использовано для характеристики рассматриваемых головных уборов как с точки зрения лингвистики, так и с точки зрения этнографии. Наиболее подходящим и полностью соответствующим характеристикам рассматриваемых головных уборов соответствует наименование «бобуонньук», предложенное М. М. Носовым. С опорой на выявленные лексические параллели можно выдвинуть гипотезу о том, что анализируемый термин представляет собой заимствование из русского языка. Этнографические данные свидетельствуют о всесезонном характере использования данного головного убора, что обусловлено спецификой климатических условий региона. В частности, зимние варианты головных уборов характеризуются наличием меховой подбивки, а также декорированием с применением комбинации различных видов меха – это отражает адаптационную стратегию в сфере материальной культуры.

М. М. Носов указывает на их круглые формы и разделяет на 2 группы. К первой группе относит чепцы и капоры, не имевшие рожек и металлических круглых пластинок. Ко второй группе – колпаки, увенчанные торчками – рожками из хвостиков росамахи и хорька. Короткие вязочки, вшитые внутрь наушников, подвязываются под подбородком, длинные, перекрещиваясь под подбородком, подвязываются наверху колпачка, на макушке [Носов, 1955, с. 103–104]. В альбоме работ М. М. Носова зимние меховые капоры обозначены как «истээх чомпой бобуонньук», что дословно можно перевести как «меховая зимняя шапка чомпой-бобуонньук» [Носов, 2010, с. 8].

Заслуга М. М. Носова заключается в том, что он впервые обращает внимание на странные узоры в налобной части шапок-колпачков в виде квадрата или ромба, а на затылке – «развилыны в виде ижицы» и приводит примеры их расположения на головных уборах XVII–XVIII и XIX вв. [Носов, 1957, с. 127, рис. 2]. Эти элементы указывают на то, что в прошлом они имели определенное символическое значение, но в архивных, этнографических и фольклорных материалах сведения о них не обнаружены. Происхождение и семантика данных элементов

до настоящего времени полностью не раскрыты, у исследователей имеются некоторые расхождения в их атрибуции и определении [Новгородова, 1997; Гаврильева, 1998; Иванова-Унарова, 2012; Петрова, Заболоцкая, 2013]. Несомненно, семантический анализ декоративных элементов требует отдельного исследования и не входит в рамки данной статьи.

Методы

Из всего массива археологических источников были отобраны головные уборы, сшитые по одному техническому крою. Особенностью этих шапок является наличие центрального элемента с характерными декоративными вырезами (рис. 1, 1) и боковых деталей, сшитых из комбинации трех отдельных элементов (рис. 1, 2–4). Как правило, к макушке шапки пришивался металлический диск *туосахта* (рис. 1, а). Этот вид головного убора обнаружен в нескольких погребальных памятниках, расположенных на территории Центральной Якутии (рис. 2): два изделия из Мегино-Кангаласского улуса, два – из Чурапчинского, по одному из Таттинского и Усть-Алданского улусов, одно – из пригорода г. Якутска и одно из неизвестного погребения. Для составления технической характеристики был проанализирован крой, способы соединения швов, виды декорирования. Определение меха оказалось наиболее проблематичным ввиду плохой сохранности материала.

Как видно из представленного выше обзора, исследователями при атрибуции данного типа головных уборов применяется разное наименование одного и того же типа головного убора. В контексте данной работы будет использоваться определение «капор», так как оно наиболее подходит к техническому крою рассматриваемых головных уборов. Относительно фигурного выреза на затылочной части шапки применено определение «сдвоенные арки».

Результаты

Изделие № 1. Обнаружено в 2022 г. в результате спасательных раскопок на территории разрушенного в результате антропогенного воздействия старинного погоста в местности Кызыл-Сыр (Хатасский погост II, с. Хатассы, пригород г. Якутска, рис. 2, 1), выполненных археологической экспедицией Арктического научно-исследовательского центра РС(Я). В ходе работ было выявлено частично разрушенное женское погребение (№ 2) роженицы в массивном гробу-колоде. Тело погребенной было частично мумифицировано, часть костяка ниже колен утрачена.

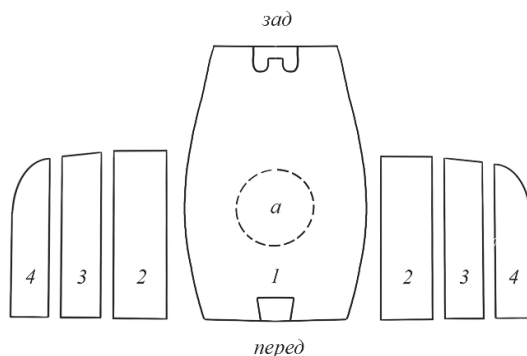

Рис. 1. Технический рисунок головного убора «бобуонньук»: 1 – центральная деталь; 2–4 – детали правой стороны; 5–7 – детали левой стороны; а – место прикрепления металлического круга *туосахта*. Схема составлена А. Н. Прокопьевой

Fig. 1. Technical drawing of the “bubuonnyuk” headdress: 1 – central part; 2–4 – details of the right side; 5–7 – details of the left side; a – place of attachment of the metal circle “tuosakhta”. The drawing was compiled by A. N. Prokopieva

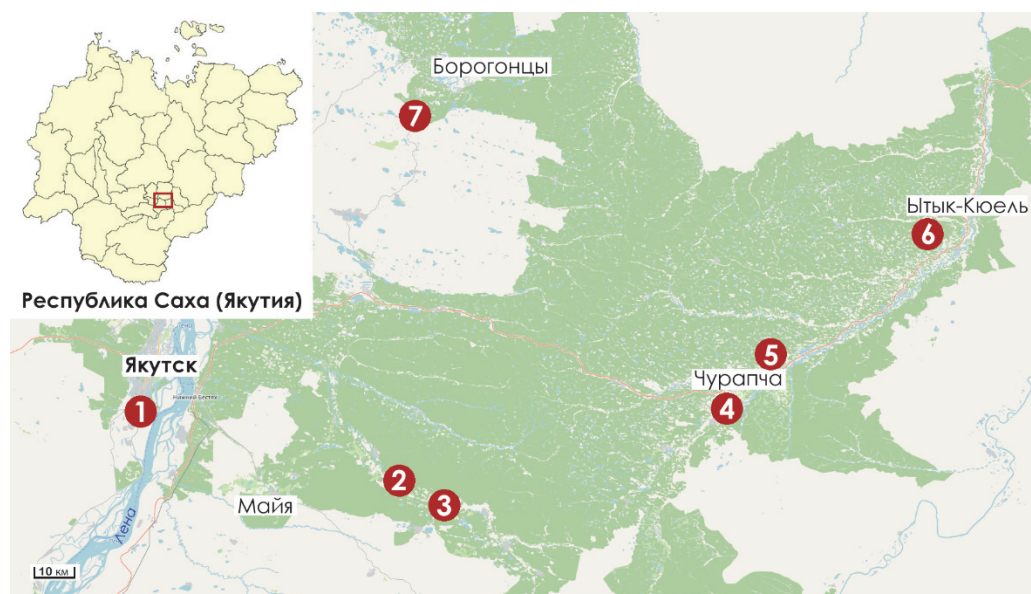

Рис. 2. Карта с указанием мест находок головных уборов «бобуонньук»:

1 – Хатасский погост II (г. Якутск); 2 – могильник Холлубут (Мегино-Кангаласский улус); 3 – могильник Киис Тиэрбит (Мегино-Кангаласский улус); 4 – погребение Тумусахта (Чурапчинский улус); 5 – могильник Шаманское дерево (Чурапчинский улус); 6 – могильник Тойоттор унгуохтара (Таттинский улус); 7 – погребение Арылах-9 (Усть-Алданский улус)

Fig. 2. Map showing the find locations of “bobounnyuk” headdresses:

1 – Khatasskii Pogost II (Yakutsk); 2 – Hollubut burial ground (Megino-Kangalasskii ulus); 3 – Kiis Tierbit burial ground (Megino-Kangalasskii ulus); 4 – burial of Tumusakhtakh (Churapcha ulus); 5 – Shamanskoe derevo burial ground (Churapcha ulus); 6 – Toyottor Unguohtara burial ground (Tatta ulus); 7 – burial of Arylakh-9 (Ust-Aldan ulus)

На теле покойной довольно хорошо сохранился комплект одежды, состоявший из наплечной одежды из ровдуги с меховым подбоем, зимних ровдужных рукавичек *ютюлюк*, украшенных бисерной вышивкой и металлическими пронизками, остатков мягкой ровдужной обуви *этэрбэс*, расшитых по краю бисером, натазники не сохранились. На голове зафиксирован хлопчатобумажный платок, поверх которого была надета шапка-капор. Костюм дополнялся комплектом металлических украшений, состоявшим из двух гривен и пяти серег в виде знака вопроса. Внутри левой рукавицы был вложен небольшой костяной гребень. Погребение относится к числу биритуальных, так как здесь зафиксированы следы как христианского погребального обряда в виде нательного деревянного крестика, савана в виде тлена и церковных свеч, так и следы языческого погребального ритуала в виде уложенных справа от гробовины остатков тризны и углей на большом фрагменте тулова глиняного горшка.

Головной убор капоровидного типа шит из ткани и меха и украшен металлическим диском (рис. 3, 1). Основная ткань шапки – сукно темно-зеленого цвета и желтый шелковый жаккард. Шелковые элементы: одна широкая полоса, идущая от лба до затылка, две серповидные детали поверх ушей с каждого бока. Длина детали № 1 от лба до основания шеи – 15,7 см, длина деталей № 2–3 – 5,3 см. На лобной части шапки, в детали № 1 выполнен вырез в виде трапеции, куда

вставлен кусок сукна. На затылочной стороне этой же детали выполнен вырез в виде сдвоенных арок (рис. 3, 1а). В области наушников пришито по две завязки с внешней и внутренней стороны: 1-я – в виде тонкой ровдужной веревки пришита к внешней стороне; 2-я – в виде широкой шелковой ленты вшита в соединительный шов меховой оторочки лица и шеи с обратной стороны. У лица меховая оторочка шириной 4–4,5 см с длинным остевым волосом. На теменной части пришит металлический диск *туосахта*. Диаметр диска – 7,2 см. На диске два парных отверстия для пришивания, расположенные на противоположных краях диска. Диаметр отверстий 0,14 см. Диск пришит к шапке нитками, пропущенными через эти отверстия с небольшим смещением ото лба. В центре диска был круг, вероятно, из олова или другого металла, который превратился в серовато-белесую пыль. Круг, возможно, был прикреплен путем штифтовки, так как в центре диска *туосахта* проделано отверстие диаметром 0,3 см. Судя по следу круга на диске, диаметр штифта составлял 1,35 см [Соловьёва, 2022].

Изделие № 2. Могильник Холлубут, погребение 1, Мегино-Кангаласский улус (рис. 2, 2). На данный момент экспедицией Института гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов Севера СО РАН изучено два грунтовых погребения могильника. В могиле 1 обнаружены останки мужчины зрелого возраста. Тело уложено в составной гроб, изнутри гроб обложен фрагментами стенок берестяного жилища *ураса*. Поверх бересты уложен меховой коврик, служащий подстилкой для погребенного. На теле сохранились остатки костюма: оленья шуба, под ней ровдужное пальто, подпоясанное матерчатым ремнем, на ремне с правой стороны нож в ножнах и кисет, слева – поясная сумочка, натазники, подбитые мехом, ноговицы и ровдужная обувь, рукавицы. Рядом с телом уложена комаромахалка с длинной изогнутой рукоятью.

Шапка капоровидной формы плотно прилегала к голове погребенного. Верхний слой шапки сшит из сукна коричневого цвета и темно-коричневого шелкового жаккарда (рис. 3, 2). По своей конструкции шапка аналогична изделию № 1 из Хатасского погоста. Размеры детали 1: длина – 23 см, ширина на лобной части – 15 см, ширина на затылочной части – 15 см. Детали 2 и 3 симметричны по своей форме и имеют серповидную форму. Длина деталей 13–14,5 см, ширина 4–4,5 см. На лобной части детали 1 имеется прямоугольный вырез шириной 3 см и высотой 2,5 см, под который подложен кусок того же сукна, что и детали 1–4 (рис. 3, 2б). На затылочной части того же фрагмента вырезано фигурное отверстие в виде сдвоенных арок (рис. 3, 2в). Ширина отверстия – 4,7 см, общая высота – 3,5 см. Под отверстием также вложен фрагмент суконной ткани. По боковым сторонам шапка состоит из трех соединенных деталей: двух суконных и одной шелковой по центру с каждой стороны. Детали 1 и 4 вырезаны в виде удлиненно-прямоугольника. Ширина деталей – 5 см, длина – 15,5 см. Детали 2 и 3 имеют слегка изогнутую серповидную форму. Ширина деталей 5 см, длина – 13,4 см. У лица прослеживается меховая опушка из меха с длинным тонким остевым волосом и плотным подпушком шириной 5,5 см. Вдоль нижнего края шапка также имеет опушку из двух тонких полосок меха, сшитых вместе. Верхняя полоска меха темного цвета, нижняя – более светлого. Примерно в 15 см выше края наушников на правой стороне пришита ровдужная завязка. Вероятно, к ней была привязана лицевая маска, остатки которой прослеживались при вскрытии могилы [Прокопьева, 2024].

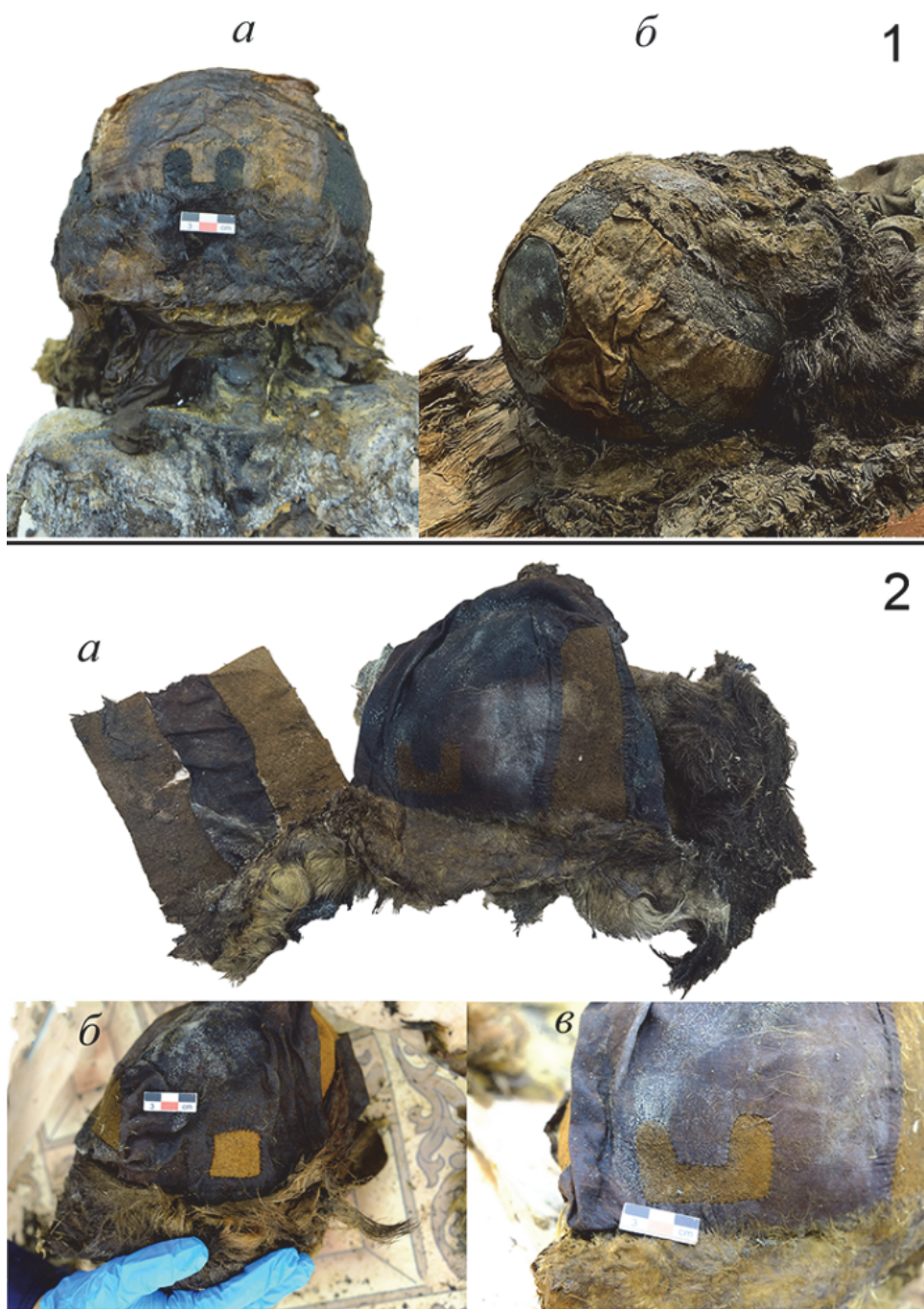

Рис. 3. Фрагменты головных уборов: 1 – изделие № 1, Хатасский погост II, погребение № 2, г. Якутск (фото А. Н. Прокопьевой); 2 – изделие № 2, могильник Холлубут, погребение 1, Мегино-Кангаласский улус (фото А. Н. Прокопьевой)

Fig. 3. Fragments of headdresses: 1 – headdress 1, Khatas Pogost II, burial 2, Yakutsk (photo by A. N. Prokopieva); 2 – headdress 2, Khollobut burial ground, burial 1, Megino-Kangalassky Ulus (photo by A. N. Prokopieva)

Изделие № 3. Обнаружено в 1945 г. С. И. Боло в погребении Омучча Маттаҕыйаана могильника «Тойоттор унгуохтара» на территории Таттинского улуса (рис. 2, б) [Археологические материалы ... , 1945, инв. № ТРМ-270]¹. Шапка капоровидной формы, верхняя часть которой комбинирована из тонкого шелкового жаккарда двух расцветок: темно-зеленой и светло-коричневой (рис. 4). Лобно-затылочная полоска имеет прямоугольную форму, ширина затылочной части которой чуть шире передней (12,5 и 14,5 см). Полоска выполнена из светло-коричневого шелкового жаккарда, в теменной области с двух сторон у нее имеются сборки. В вырез на надлобной части этой полоски также вшит лоскуток прямоугольной формы шириной 5,5 см, высотой 4,5 см, в фигурный вырез на затылочной части – лоскуток в виде сдвоенных арок из темно-зеленого жаккарда, с одинаковой шириной и высотой, которые равны 6,5 см. Боковые части шапки состоят из трех лоскутков также слегка изогнутой серповидной формы, причем средняя часть выкроена из светло-коричневого жаккарда, две боковые – из зеленого. В нижней части они образуют наушники с острым углом. Спереди шапка оторочена полоской из меха росوماхи шириной 4 см. По затылочной части внизу шапки идут три горизонтальные полоски. Верхняя, шириной 1,8 см, выполнена из светло-коричневого жаккарда, две нижние меховые полоски шириной по 2 см – из шкуры и лапок красной лисицы. С наружной и с внутренней стороны наушника подшиты тонкие кожаные завязки длиной 15 см. Мех внутренней части шапки сильно деградировал, оставшаяся часть меха похожа на беличью шкурку.

Рис. 4. Фрагмент головного убора, изделие № 3, могильник Тойоттор унгуохтара, Таттинский улус (фото С. И. Петровой)

Fig. 4. Fragment of a headdress 3, Toyottor unguokhtara burial ground, Tatta Ulus (photo by S. I. Petrova)

¹ В предметах, зарегистрированных в Книге поступлений 1945–1948 гг., шапка отмечена ошибочно под названием «шапка малахайка».

Изделие № 4. Шапка из погребения Тумусахта из фонда Якутского государственного объединенного музея истории и культуры народов Севера им. Ем. Ярославского (далее ЯГОМИиКНС). Данный экземпляр инвентарного номера не имеет. По раскопчному номеру «Тум. II 65/13» удалось выяснить, что шапка обнаружена И. В. Константиновым в женском погребении из местечка Тумусахта Хатылинского наслега Чурапчинского района (рис. 2, 4), но ее полное описание в его работе нами не обнаружено [Константинов, 1971, с. 45]. Шапка также была сшита из шелкового жаккарда коричневой расцветки двух оттенков (рис. 5, 1). Крой шапки аналогичен вышеописанным, но нижние узкие полосы, которые прилегают к затылку, состоят из двух полос шкуры шириной 2,5 и 3 см. Полоса лобно-затылочной части расширяется в середине и имеет ширину 17 см, ширина полосы у основания лобной и затылочной части составляет 13,5 см. Шапка также имеет два боковых наушника, состоящих из трех серповидных деталей разной ширины. Ширина первой полосы, примыкающей к лицевой части шапки, равняется 2,5 см, средняя – 5,6 см, третья, которая соединяется с затылочной частью, имеет ширину в 4 см. Внутренняя полость шапки, видимо, была обложена гладкошерстным мехом и местами сильно деградировала. Между верхней тканью и подкладочным мехом пришита ткань даба, точно повторяющая форму шапки. Таким образом, данная шапка имеет три слоя: изнаночный – из меха, лицевой – из шелкового жаккарда, промежуточный – из дабы. Передняя опушка шапки, пришитая на синюю дабу, выполнена из меха с длинным остевым волосом. Передняя декоративная деталь имеет форму перевернутой трапеции (рис. 5, 1б) высотой 4 см, ширина верхнего основания которой составляет 5 см, ширина нижнего – 4 см. На затылочной части, так же как и в предыдущих изделиях, присутствует зауженная к низу деталь в виде сдвоенных арок высотой 3 см. Ширина нижней и верхней части фигуры соответственно составляет 4 и 4,8 см.

Изделие № 5. Неизвестное погребение. В фонде ЯГОМИиКНС обнаружен также фрагмент шапки из ранних археологических раскопок (инв. № ЯГОМ ОП 248). Шапка сильно разрушена, но при тщательном осмотре выяснилось, что крой шапки аналогичен представленным нами формам шапок (рис. 5, 2). Она сшита очень тонкими сухожильными нитками ручным способом швом «хабайы» (через край) из двух слоев ткани, но в данном случае верх комбинирован из дабы и шелкового муара, при этом та часть, которая прилегает к голове, выполнена из дабы. Имеются обрывки передней меховой опушки из длинношерстного меха. С левой стороны наушника присутствует кожаный ремешок длиной 20 см. Ширина меховой опушки в подогнутом виде составляет 3,5 см. Меховая подкладка у шапки не обнаружена. На фрагменте очень четко видна задняя деталь с ушками из муара высотой 5 см и шириной 6,5 см, которая пришита на дабу (рис. 5, 2б). Также на нижних полосках затылочной части присутствуют обрывки бобрового (4 см) и неизвестного светлого гладкошерстного меха шириной 1 см. Отличительной чертой от предыдущих шапок является то, что по краям передней опушки пришита полоска дабы шириной 3 см, на которой по середине аппликативно нашита полоска из гладкошерстного меха шириной 0,7–0,8 см, а также по линии затылочных полосок присутствуют несколько круглых металлических бляшек, изготовленных в технике штамповки.

Рис. 5. Фрагменты головных уборов:

1 – изделие № 4, погребение Тумусахта, Чурапчинский улус (фото Т. Г. Старостиной); 2 – изделие № 5, неизвестная могила (фото Т. Г. Старостиной); 3 – современная реконструкция головного убора «бобуонньук» из Хатасского погоста II. Выполнено мастерицей Галиной Константиновной Ноговицыной (фото Л. П. Борисовой)

Fig. 5. Fragments of headdresses:

1 – headdress 4, Tumusakhtakh burial, Churapcha Ulus (photo by T. G. Starostina); 2 – headdress 5, unknown grave (photo by T. G. Starostina); 3 – modern reconstruction of the “bobounnyuk” headdress from Khatas Pogost II. Made by craftswoman Galina Nogovitsyna (photo by L. P. Borisova)

Изделие № 6. Могила Аба Уос Джорго Идельгиева. Раскопки были произведены еще в 1937 г. экспедицией Якутского областного музея под руководством С. И. Боло на территории I Морукского наслега Мегино-Кангаласского улуса,

в местности Киис Тиэрбит (рис. 2, 3). В двойной гроб были уложены останки старого мужчины с большим количеством сопроводительного инвентаря: котелок, две кожаных сумы с остатками тризны, два кожаных сосуда для кумыса, топорик, деревянная чаша, седло, колчан со стрелами, лук, копье, пальма, переметные сумы с запасной одеждой [НА РС(Я). Р-1413, оп. 1, ед. хр. 4, л. 15–16]. На теле погребенного обнаружены остатки некогда богатого костюма: суконный кафтан на беличем меху, рогатая шапка, обувь. Вместе с покойным было захоронено несколько комплектов запасной одежды, охотничье снаряжение. В полевых документах значится, что шапка находилась на голове покойника под другим меховым головным убором. «Чепец» плотно облегал голову, изнутри подбит брюшным беличьим мехом. Головной убор покрыт «...голубой бумажной материей и отделан нашивкой из шелковой муаровой материи желтого цвета с шоколадным переливом» [Там же]. Судя по рисунку, фасон шапки точно совпадает с представленными нами выше шапками [Носов, 2010, рис. 7]. Автор отметил наличие квадратного выреза на лобной части и фигурного выреза на затылочной части. Края лицевой части шапки и по низу оторочены двойным мехом: внешняя полоска белого меха узкая, шириной 1 см, внутренняя – шириной 4 см. Белый мех определен как горностаевый, а темный широкий – бобровый. К нижнему краю шапки пришиты ремешки. Хотя М. М. Носовым отмечено, что данный экземпляр находится в фонде ЯКМ под инв. № 2101, в настоящее время в фонде совпадающая с описанием шапка не обнаружена.

Изделия № 7–8. Из отчетов Саха-французской экспедиции известно, что подобные шапки были обнаружены еще в двух погребениях. Одна из них была надета на голову женщины в групповой могиле Шаманское дерево 1 (Охтубут) в Чурапчинском улусе (рис. 2, 5) [Мир древних, 2012, с. 102]. Вторая шапка найдена в могиле мужчины средних лет Арылах 9 в Усть-Алданском улусе (рис. 2, 7) [HURASIE, 2018, р. 145–149]. Но из-за отсутствия подробного описания они не включены в выборку.

Обсуждение

Из представленных нами женских и мужских экземпляров свою первоначальную форму наиболее хорошо сохранила шапка из могилы Аба Уос Джорго Идельгиева (изделие № 6) и была зарисована М. М. Носовым. В момент вскрытия погребения она находилась в дорожной кожаной суме. В протокольном описании С. И. Боло отмечается: «Обычно на трупе одежда полностью сгнивает и разлагается, но в переметной суме, в сухости, одежда сохранилась почти полностью. Благодаря этому счастливому обстоятельству мы имеем... сохранившиеся в земле образцы якутской одежды второй половины 18 века» [Археологические материалы ... , 1945, л. 1]. Благодаря осмотру шапок № 1 и 3 нам удалось сделать обмеры частей изделия и разработать выкройку для дальнейшей технологической реконструкции (рис. 5, 3). Все шапки имеют одинаковую круглую форму с несколько удлиненными наушниками и декоративные вставки прямоугольной или трапециевидной формы из другого материала в вырез в лобной части головного убора и фигурную вставку в виде сдвоенных арок в соответствующий вырез в ее затылочной части. Конструкция шапки настолько сложна, что выделить отдельные конструктивные детали на первый взгляд весьма затруднительно. Если покрой обычного капора состоит из трех частей – одного лобно-затылочного

прямоугольника и двух боковых, то в данной шапке можно насчитать более 10 элементов разной формы: одной прямоугольной лобно-затылочной части с двумя декоративными элементами в виде квадрата в лобной и сдвоенных арок в затылочной части соответственно, шести лоскутков серповидной формы в двух боковых деталях, переднего обрамления в виде широкой подогнутой меховой полосы, а также двух или трех тонких полосок из ткани или меха, сшитых вместе и опущенных вдоль нижнего края затылочной части шапки. Использование лоскутного приема в боковых частях придает шапке более мягкие и плавные очертания.

В декоративном решении деталей, в выборе технологии шитья проявляется индивидуальность мастериц. Декоративные квадраты и сдвоенные арки в рассматриваемых головных уборах соединены с лобно-затылочными частями разными способами: в некоторых случаях они пришиты к налобно-затылочной полоске швом «через край» в виде аппликации, в другом – ткань муар была вложена в скроенные декоративные вырезы на налобно-затылочной полоске, у остальных швов находится с изнаночной стороны, т. е. детали были сшиты с изнаночной стороны обычным соединительным швом «вперед иголкой». Сравнительный анализ технологии шитья свидетельствует о том, что шапки были сшиты разными мастерами, но по единому крою и с соблюдением расположения и форм декоративных элементов на лобной и затылочной частях. Намеренное повторение декора является свидетельством наличия символизма этих деталей, позже появившихся на наверхиях *чопчуур* шапок *дьабака* XIX – начала XX в. Вероятно, уже к XIX в. понимание значения этих фигур было утрачено, и в письменных источниках не приводятся сведения об этом. Скорее всего, аналогичные детали были и на других головных уборах более ранних эпох. Имеющиеся варианты интерпретации в этнографической литературе [Гаврильева, 1998, с. 68; Зверева, Ефимова, 2021] были сделаны без учета археологического материала и опираются на более поздние представления о символике цвета и формы.

Характерные для описываемого вида головного убора боковые серповидные элементы и декоративные вставки в фигурные вырезы находят аналогии с конструктивными деталями наверхий *чопчуур* шапок *дьабака* XIX – начала XX в. (рис. 6). В литературе высказывались разные версии происхождения шапки *дьабака* и ее декоративных элементов, но данное исследование показало преемственность капоровидных шапок XVII–XVIII вв. и шапок *дьабака* XIX – начала XX в. В первой половине XIX в. происходит трансформация одежды, вызванная социально-экономическими преобразованиями, а также изменением представлений о внешнем облике женщин. Скорее всего, это коснулось и головных уборов, где меховая опушка приобрела более выраженные формы, а сама капоровидная шапка трансформировалась в декоративное наверхие головного убора нового типа, сохранив характерные элементы.

Наряду с искусным покроем в некоторых шапках обнаружены дополнительные декоративные металлические элементы: круглый диск (изделие № 1) и штампованные бляшки (изделие № 5). Диски *туосахта* являются символом богатства и высокого статуса и часто являются единственными серебряными украшениями в могилах XVII–XVIII вв.

Рис. 6. Шапка «дыбака». Чурапчинский музей истории и этнографии им. А. А. Саввина.
Инвентарный № КП475 [Габышева, Неустроева, 2015, с. 9]

Fig. 6. “Dyabaka” headdress. A. A. Savvin Churapcha Museum of History and Ethnography.
Inventory N KP475 [Gabyшева, Neustroeva, 2015, p. 9]

В шитье шапки используются также разнообразные дорогие материалы: гладкошерстный мех и с длинным остевым волосом, шелковые жаккард и муар, сукно, даба. В могилах якутской знати встречается одежда с использованием редких и дорогих мехов, чаще всего это шкурки соболя, лисицы или бобра. Мех соболя и лисицы сдавали в качестве ясака, что привело к истощению пушных ресурсов региона к середине XVIII в. [Романов, 1956, с. 64–65]. По этим же причинам уже с 1720-х гг. в качестве ясака стали принимать менее ценные шкурки белок, горностаев, а также оклад в виде денег [Там же, с. 56]. Поэтому наличие ценного меха в costume является показателем экономического достатка погребенных. Головные уборы изготавливали из нескольких видов меха, где оторочка чаще всего состояла из меха белого горноста, бобра или соболя, а подклад – из беличьих шкурок. Судя по сохранившимся фрагментам, рассматриваемые шапки были украшены аналогичным образом.

С начала XVIII в. в Якутию массово завозятся самые различные фабричные ткани. В списках значатся сукно, кисея, шелк, ткани с золотой вышивкой, камка, китайка, шелк сканый, завеса атласная, полог фанзовой и пр. [Софронеев, 1972, с. 65–67]. Весь объем ввозимых тканей входил в так называемый русский импорт и считался предметом «русского торга» независимо от страны происхождения, так как ввозился из европейской части России [Чёрная, 2016]. К середине XVIII в. тканые материалы в целом становятся более доступными, что видно по одежде из погребальных памятников якутов [Архив ЯНЦ СО РАН. Ф. 5, оп. 3, ед. хр. 7а, л. 20; НА РС (Я). Р. 1407, оп. 1, ед. хр. 28, л. 13]. Преобладающими цветами являются оттенки коричневого, охристого, зеленого. Рассмотренные шапки являются хорошей иллюстрацией существовавших на тот момент тенденций.

Половозрастной анализ показывает, что этот вид шапки носили и мужчины, и женщины. Сложный крой, использование при пошиве привозной ткани говорят о высоком статусе погребенных, что подтверждается и сопроводительным инвентарем. Распространенность практически идентичных головных уборов на достаточно обширной территории свидетельствует о тесных связях между якутскими родами и о существовании определенных тенденций в одежде XVIII – начала XIX в.

Заключение

Результаты исследования путем сравнений нескольких одинаковых по своей форме и внешнему виду экземпляров головных уборов из ранних и современных археологических раскопок привели нас к следующим выводам:

1) данный тип головных уборов под общим названием «бобуонньук», по форме плотно облегающий голову, имеет своеобразную и сложную конструкцию, линии которой имеют более мягкие и плавные очертания, отличающиеся от конструкции обычных головных уборов в виде капора;

2) фигурные вырезы на лобной и затылочной частях могли нести символическое значение, утраченное уже к XIX в., что требует дальнейшего изучения при расширении источниковой базы;

3) шапки типа «бобуонньук» трансформировались в декоративные навершия головного убора нового типа – женской шапки типа *дьабака* XIX–XX вв.;

4) сложность конструкции, наличие конструктивных деталей из дорогих тканей и ценных мехов, а также наличие дополнительных декоративных элементов из металла в виде диска и бляшек указывают на то, что такие головные уборы были частью костюма якутской знати;

5) преимущественное обнаружение головных уборов «бобуонньук» в погребениях высших слоев населения свидетельствует о наличии определенных трендов и моды в одежде в XVIII–XIX вв., что вызвано мобильностью и тесными связями между якутскими родами.

Благодарности

Работа выполнена в рамках Государственного задания № 075-00619-26-00 на 2026 г., проект НИР № 124020900039-6 (проект FWRS-2024-0081 «Природа и человек: адаптационные стратегии древних и традиционных культур Якутии») с использованием научного оборудования ЦКП ФИЦ «ЯНЦ СО РАН» и по теме Госзадания «Формирование оригинальных черт российской цивилизации и становление империи на материалах исследований памятников Сибири XVI–XX веков (FWZG-2025-0013)».

Источники

- Археологические материалы С. И. Боло 1935–1948. Рукопись от 06.09.1945 г. // Рукописный фонд Ытык-Кюельского литературно-художественного музея-заповедника «Татта». 250 л.
- Архив Якутского научного центра СО РАН. Ф. 5. Оп. 3. Ед. хр. 7а. Л. 20.
- Национальный архив Республики Саха (Якутия). Р. 1407. Оп. 1. Ед. хр. 28. Л. 13.
- Национальный архив Республики Саха (Якутия). Р. 1413. Оп. 1. Ед. хр. 4. Л. 15–16.

- Прокопьева А. Н. Полевые материалы. 2024 г. [Рукопись]: Дневник полевых работ на территории Морукского наслега Мегино-Кангаласского улуса // Личный архив автора. 28 л.
- Соловьёва Е. Н. Полевые материалы. 2022 г. [Рукопись]: Дневник спасательных работ на Хатасском погосте II // Личный архив автора. 35 л.
- HURASIE. *Peuplements humains et coévolution homme/milieu en Sibérie et dans la steppe eurasiatique au cours de l'holocène*. Campagne 2018. Toulouse, 2018. 134 p.

Sources

- Arkheologicheskie materialy S. I. Bolo 1935–1948. Rukopis ot 06.09.1945 g. [Archaeological materials of S. I. Bolo 1935–1948. Manuscript dated 06.09.1945]. Fond rukopisei Ytyk-Kyuelskogo literaturno-khudozhestvennogo muzeya-zapovednika "Tatta" [Manuscript Fund of the Ytyk-Kyuol Literary and Art Museum-Reserve "Tatta"]*. 250 p. (In Russ.)
- Arkhir Yakutskogo nauchnogo tsentra SO RAN [Archive of the Yakut Scientific Center SB RAS]*. Fund 5, Inventory 3, File 7a, p. 20. (In Russ.)
- Natsionalnyi arkhiv Respubliki Sakha (Yakutiya) [National Archive of the Republic of Sakha (Yakutia)]*. Fund 1407, Inventory 1, File 28, p. 13. (In Russ.)
- Natsionalnyi arkhiv Respubliki Sakha (Yakutiya) [National Archive of the Republic of Sakha (Yakutia)]*. Fund 1413, Inventory 1, File 4, p. 15–16. (In Russ.)

- Prokopieva A. N. *Polevy materialy*. 2024 g. *Dnevnik polevykh rabot na territorii Morukskogo naslega Megino-Kangalasskogo ulusa [Field materials. 2024. Diary of fieldworks on the territory of the Moruksky Nasleg of Megino-Kangalas Ulsu]*. Lichnyi arkhiv avtora [Personal archive of the author]. 28 p. (In Russ.)
- Solovieva E. N. *Polevy materialy*. 2022 g. *Dnevnik spasatelnykh rabot na Khatasskom pogoste II [Field materials. 2022. Diary of salvage excavations at Khatassky Pogost II]*. Lichnyi arkhiv avtora [Personal archive of the author]. 35 p. (In Russ.)
- HURASIE. *Peuplements humains et coévolution homme/milieu en Sibérie et dans la steppe eurasiatique au cours de l'holocène*. Campagne 2018. Toulouse, 2018, 134 p. (In French)

Список литературы

- Габышева А. Л., Неустроева Г. Г. Раритеты Якутии. Художественное наследие земли олонхо: Чурапчинский улус : альбом-каталог. М. : ИП Семенова Н. В., 2015. 222 с.
- Гаврильева Р. С. Одежда народа саха конца XVII – середины XVIII века. Новосибирск : Наука. Сиб. предприятие РАН, 1998. 144 с.
- Данилова Н. К. Ритуальная одежда народа саха: тангай сон (историческая память и семантика) // Научный диалог. 2020. № 11. С. 362–378. <https://doi.org/10.24224/2227-1295-2020-11-362-378>
- Зверева Е. В., Ефимова Л. С. Семиотика произведений С. А. Зверева – Кыыл Уола (на примере произведения «дыбака ырыата (Песня об обрядовой шапке – «дыбака»)» // Аспирантские чтения-2021 : сб. материалов науч.-практ. конф. аспирантов СВФУ, Якутск, 25 мая 2021 г. Якутск : Изд-во СВФУ им. М. К. Аммосова, 2021. С. 120–124.
- Зотова Е. И. Имя-вещи. Одежда и процесс ее изготовления в «Словаре живого великорусского языка» В. Даля : словарь-справочник. М., 2017. 200 с.
- Иванова-Умарова З. И. Символика в изобразительном искусстве. Анализ и вычленение символов в произведениях искусств. Саарбрюкен : Lambert Academic Publishing, 2012. 167 с.
- Историко-этнографический атлас Сибири / под ред. М. Г. Левина, Л. П. Потапова. М. ; Л. : Изд-во АН СССР, 1961. 498 с.
- Константинов И. В. Материальная культура якутов XVIII века (по материалам погребений). Якутск : Якут. кн. изд-во, 1971. 212 с.

- Мир древних якутов: опыт междисциплинарных исследований (по материалам саха-французской археологической экспедиции) / под ред. Э. Крюбези, А. Алексеева. Якутск : Издат. дом СВФУ, 2012. 226 с.
- Новгородова Л. И. Секреты головного убора «дыбака» // Кыраа. 1997. № 3. С. 97–104.
- Носов М. М. Одежда и украшения якутов XVII–XVIII вв. // Сборник научных статей Якутского республиканского краеведческого музея. Якутск, 1955. Вып. 1. С. 84–137.
- Носов М. М. Эволюционное развитие якутской одежды с конца XVII до 1920-х годов // Сборник научных статей Якутского республиканского краеведческого музея. Якутск : Кн. изд-во, 1957. Вып. 2. С. 116–152.
- Носов М. М. Одежда и украшения якутов XVII–XX вв. Якутск : Студия «ТТЛ»; ЯНЦ СО РАН, 2010. 94 с.
- Пекарский Э. К. Словарь якутского языка : в 3 т. М. : Изд-во АН СССР, 1958. Т. 1, вып. 1–4. 1279 стлб. 710 с.
- Пекарский Э. К. Словарь якутского языка: в 3 т. М. : Изд-во АН СССР, 1959. Т. 3, вып. 10–13. 2509–3858 стлб. 705 с.
- Петрова С. И. Якутский головной убор «дыбака»: материал и технология // Современная научная мысль. 2022. № 6. С. 247–253. <https://doi.org/10.24412/2308-264X-2022-6-247-253>.
- Петрова С. И., Заболоцкая З. М. Народный костюм якутов: историко-этнографическое и искусство-

- ведческое исследование». Новосибирск : Наука, 2013. 208 с.
- Петрова С. И., Прокопьева А. Н. Якутская одежда тангалай: крой, отделка, технологии // Вестник археологии, антропологии и этнографии. 2023. № 1 (60). С. 151–162. <https://doi.org/10.20874/2071-0437-2023-60-1-13>.
- Романов Н. С. Ясак в Якутии в XVIII в. Якутск : Якут. кн. изд-во, 1956. 105 с.
- Софронеев П. С. Якуты в первой половине XVIII века. Якутск : Якут. кн. изд-во, 1972. 184 с.
- Чёрная М. П. Европейский компонент в этнокультурном диалоге сибирского сообщества: археолого-исторический контекст // Вестник Томского государственного университета. История. 2016. № 4 (42). С. 46–52.
- ## References
- Chernaya M. P. The European component in the ethnocultural dialogue of the Siberian community: archaeological and historical context. *Tomsk State University Journal of History*. 2016, N 4 (42), pp. 46–52. (In Russ.)
- Gabyshva A. L., Neustroeva G. G. Rarities Yakutii. *Hudozhestvennoe nasledie zemli olonho: Churapchinskij ulus : albom-katalog [Rarities of Yakutia. The Artistic Heritage of the Land of Olonkho: Churapcha Ulus : album-catalogue]*. Moscow, Semenov N. V. Publ., 2015, 222 p.
- Gavrilieva R. S. *Odezhda naroda sakha kontsa XVII – serediny XVIII veka [Clothing of the Sakha People of the Late 17th – Mid-18th Century]*. Novosibirsk, Nauka. Sibirskoe predpriyatie RAN Publ., 1998, 144 p. (In Russ.)
- Danilova N. K. Ritualnaya odezhda naroda sakha: tanjalai son (istoricheskaya pamyat i semantika) [Ritual Clothing of the Sakha People Tangalai Son (Historical Memory and Semantics)]. *Nauchnyi Dialog [Scientific Dialogue]*. 2020, N 11, pp. 362–378. <https://doi.org/10.24224/2227-1295-2020-11-362-378> (In Russ.)
- Ivanova-Unarova Z. I. *Simvolika v izobrazitel'nom iskusstve. Analiz i vychlenenie simvolov v proizvedeniyakh iskusstv [Symbolism in Fine Arts. Analysis and Identification of Symbols in Artworks]*. Saarbrücken, Lambert Academic Publishing, 2012, 167 p. (In Russ.)
- Konstantinov I. V. *Materialnaya kultura yakutov XVIII veka (po materialam pogrebenii) [Material Culture of the Yakuts of the 18th Century (Based on Burial Materials)]*. Yakutsk, Yakut Book Publishing House, 1971, 212 p. (In Russ.)
- Kryubezi E., Alekseev A. (eds.). *Mir drevnikh yakutov: opyt mezhdistsiplinarnykh issledovaniy (po materialam sakha-frantsuzskoy arkheologicheskoy ekspeditsii) [The World of the Ancient Yakuts: An Experience of Interdisciplinary Research (Based on the Materials of the Sakha-French Archaeological Expedition)]*. Yakutsk, Izdatelskii dom SVFU Publ., 2012, 226 p. (In Russ.)
- Levin M. G., Potapov L. P. (eds.). *Istoriko-etnograficheskii atlas Sibiri [Historical and Ethnographic Atlas of Siberia]*. Moscow, Leningrad, AS USSR Publ., 1961, 498 p. (In Russ.)
- Nosov M. M. *Odezhda i ukrasheniya yakutov XVII–XVIII vv. [Clothing and Adornments of the Yakuts of the 17th–18th Centuries]. Sbornik nauchnykh statei Yakutskogo respublikanskogo kraevedcheskogo muzeya [Collection of Scientific Articles of the Yakut Republican Regional Museum]*. 1955, Is. 1, pp. 84–137. (In Russ.)
- Nosov M. M. *Evolutsionnoe razvitiye yakutskoi odezhdy s kontsa XVII do 1920-kh godov [Evolutionary Development of Yakut Clothing from the Late 17th Century to the 1920s]. Sbornik nauchnykh statei Yakutskogo respublikanskogo kraevedcheskogo muzeya [Collection of Scientific Articles of the Yakut Republican Museum of Local Lore]*. Yakutsk, Book Publishing House, 1957, Is. 2, pp. 116–152. (In Russ.)
- Nosov M. M. *Odezhda i ukrasheniya yakutov XVII–XX vv. [Clothing and Jewelry of the Yakuts of the 17th – 20th Centuries]*. Yakutsk, Studiia “TTL” Publ., YaSC SB RAS Publ., 2010, 94 p. (In Russ.)
- Novgorodova L. I. *Sekrety golovnogo ubora “dzhabaka” [Secrets of the “Dzhabaka” Headwear]*. Kyrakha [Kyraha]. 1997, N 3, pp. 97–104. (In Russ.)
- Pekarskii E. K. *Slovar yakutskogo yazyka: v 3 t. [Dictionary of the Yakut Language: in 3 vol.]*. Moscow, AS USSR Publ., 1958, Vol. 1, Is. 1–4, 1259 columns, 710 p. (In Yakut; in Russ.)
- Pekarskii E. K. *Slovar yakutskogo yazyka: v 3 t. [Dictionary of the Yakut Language: in 3 vol.]*. Moscow, AS USSR Publ., 1958, Vol. 3, Is. 10–13, 2509–3858 columns, 705 p. (In Yakut; in Russ.)
- Petrova S. I. *Yakutskii golovnoi ubor “dzhabaka”: material i tekhnologiya [The Yakut Headwear “Dzhabaka”: Material and Technology]*. *Sovremennaya nauchnaya mysl [Modern Scientific Thought]*. 2022, N 6, pp. 247–253. <https://doi.org/10.24412/2308-264X-2022-6-247-253> (In Russ.)
- Petrova S. I., Prokopieva A. N. *Yakut Tangalai Clothing: Cut, Trimming and Technologies. Vestnik arkheologii, antropologii i etnografii*. 2023, N 1 (60), pp. 151–162. <https://doi.org/10.20874/2071-0437-2023-60-1-13> (In Russ.)
- Petrova S. I., Zabolotskaya Z. M. *Narodnyi kostyum yakutov: istoriko-etnograficheskoe i iskusstvovedcheskoe issledovanie [The National Costume of the Yakuts: Historical-Ethnographic and Art History Research]*. Novosibirsk, Nauka Publ., 2013, 208 p. (In Russ.)
- Romanov N. S. *Yasak v Yakutii v XVIII v. [Yasak in Yakutia in the 18th Century]*. Yakutsk, Yakut Book Publishing House, 1956, 105 p. (In Russ.)
- Sofronееv P. S. *Yakuty v pervoi polovine XVIII veka [The Yakuts in the First Half of the 18th Century]*. Yakutsk, Yakut Book Publishing House, 1972, 184 p. (In Russ.)
- Zotova E. I. *Imya-veshchi. Odezhda i protsess ee izgotovleniya v “Slovarе zhivogo velikoruskogo yazyka” V. Dal'ya. Slovar-spravochnik [Name-Things. Clothing and the Process of Its Making in the “Explanatory Dictionary of the Living Great Russian Language” by V. Dahl. A Reference Dictionary]*. Moscow, 2017, 200 p. (In Russ.)
- Zvereva E. V., Efimova L. S. *Semiotika proizvedenii S. A. Zvereva-Kyyl Uola (na primere proizvedeniya “Dzhabaka uryata (Pesnya ob obryadovoi shapke – “dzhabaka”)) [Semiotics of the Works by S. A. Zverev-Kyyl Uola (On the Example of the Work*

“Dzhabaka Yryata” (Song about the Ritual Hat “Dzhabaka”)]]. *Aspirantskie chteniya-2021: Sbornik materialov nauchno-prakticheskoi konferentsii aspirantov SVFU, Yakutsk, 25 maya 2021 goda [Postgraduate Readings-2021: Collection of Materials of*

the Scientific-Practical Conference of Postgraduates of NEFU, Yakutsk, May 25, 2021]. Yakutsk, M. K. Ammosov NEFU Publ., 2021, pp. 120–124. (In Russ.)

Сведения об авторах

Петрова Светлана Ивановна

канд. ист. наук, доцент, кафедра «Фольклор и культура», Институт языков и культуры народов Северо-Востока РФ, Северо-Восточный федеральный университет им. М. К. Аммосова; Россия, 677073, г. Якутск, ул. Кулаковского, 42
e-mail: petrovasi1954@yandex.ru

Прокопьева Александра Николаевна

научный сотрудник, Институт гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов Севера СО РАН; Россия, 677027, г. Якутск, ул. Петровского, 1
e-mail: sendiele@gmail.com

Соловьёва Елена Николаевна

научный сотрудник, Арктический научно-исследовательский центр РС(Я); Россия, 677000, г. Якутск, ул. Курашова, 22
научный сотрудник, Институт археологии и этнографии СО РАН; Россия, 677000, г. Якутск, ул. Курашова, 22
e-mail: lenasolo05@mail.ru

Старостина Татьяна Гавриловна

Главный хранитель отдела фондов, Якутский государственный объединенный музей истории и культуры народов Севера им. Ем. Ярославского; Россия, 677000, г. Якутск, просп. Ленина, 5/2
e-mail: stg-68@mail.ru

Information about the authors

Petrova Svetlana Ivanovna

Candidate Sciences (History), Associate Professor, Department of Folklore and Culture, Institute of Languages and Culture of the Peoples of the North-East of the Russian Federation, North-Eastern Federal University named after M. K. Ammosov; 42, Kulakovskiy st., Yakutsk, 677073, Russian Federation
e-mail: petrovasi1954@yandex.ru

Prokopieva Aleksandra Nikolaevna

Researcher, Institute for Humanitarian Research and Indigenous Peoples of the North SB RAS; 1, Petrovskiy st., Yakutsk, 677027, Russian Federation
e-mail: sendiele@gmail.com

Solovieva Elena Nikolaevna

Researcher, Arctic Research Center of the Republic of Sakha (Yakutia); 22, Kurashov st., Yakutsk, 677000, Russian Federation
Researcher, Institute of Archaeology and Ethnography of the SB RAS; 22, Kurashov st., Yakutsk, 677000, Russian Federation
e-mail: lenasolo05@mail.ru

Starostina Tatiyana Gavrilovna

Chief Custodian of the Funds Department; Em. Yaroslavskiy Yakut State United Museum of History and Culture of the Peoples of the North; 5/2, Lenin av., Yakutsk, 677000, Russian Federation
e-mail: stg-68@mail.ru